

— Я очень медленно вырастаю. Только в двадцать стала что-то понимать, после тридцати многое впервые для себя открыла... В жизни я часто чувствую себя маленькимребенком. Что поделает — стараюсь забыть обо всем этом, когда выхожу на сцену...

А на сцене — на сцене происходит чудо. Хрупкая женщина в строгом черном комбинезоне с какой-то поразительной легкостью от песни к песне превращается в людей, очень разных, не похожих друг на друга. Происходит это прямо у нас на глазах — в интонациях голоса, в пластике необычайно выразительных рук, в устремленной вверх, словно готовой оторваться от земли, фигурке. Она любит, страдает, радуется... И эти чувства захватывают зрителя.

Театр Елены Камбуровой... Явление неординарное, мало с чем сравнимое. Два часа непрерывного вдохновения, когда каждый концерт — словно последний...

— Песни я полюбила, когда захотела чем-то поделиться с другими. Это непреодолимое желание выразить то, что тебя волнует, наверное, и было главной причиной моего выхода на сцену. С тех пор песни вошли в мою жизнь, стали частью биографии, а не просто профессией. Петь для меня — никогда не играть, а быть. Я не только люблю эти песни, я их словно сама написала, понимаете? Хотя у каждой есть автор и музыки, и текста.

Слушать Камбурову просто. Тут есть один секрет. Если вы пришли на концерт отдохнуть, поразвлечься, чуда не произойдет. Ее исполнение требует от зрителя большой самоотдачи, вдохновенной работы сердца и ума. Но если это случится — ваше стремление вдуматься, почувствовать, понять — вернется вам стократ в каждой новой

песне щедростью мыслей и чувств.

— Так получилось, что я закончила училище эстрадно-циркового искусства. Главное, что я вынесла из его стен, — отношение к работе. Цирковые артисты просто не могут работать неполсилы. К сожалению, часто вижу, что актеры в других жанрах искусства позволяют себе идти более легким путем. Они повто-

В театре Елены Камбуровой

ряются сознательно: делают то, что уже раньше понравилось зрителю. Это в природе человека: ему легче нравится старое, для восприятия нового нужны усилия, труд. Но стоит ли ради легкого успеха потакать чьим-то вкусам, забывать свое призвание артиста?

Моя биография полна таких залов, в которые я приходила и выкладывалась, а они оставались совершенно равнодушными...

Сначала я очень огорчалась, потом поняла, что зритель — явление неоднозначное. Мой зритель — это мой потенциальный друг, с которым мы одинаково видим мир, а не только позицию. Это должен быть добрый человек, с открытым сердцем. Он может не знать стихов, он, возможно, что-то не поймет, не воспримет на моем концерте, но в главном у нас будет совпадение.

Вот Куйбышев. Помню первый свой приезд: огромными буквами мое имя на заборе — и пустые залы. Во второй раз что-то изменилось, но не очень. Скажу правду: я очень боялась и даже не хотела ехать сюда. Но все время думала: не может так быть! И вот сегодня у меня впечатление, что в Куйбышеве это мой первый концерт. А в Свердловске я, наоборот, страдаю от любви зрителей, от того, что боюсь недостаточно ли привезла новых песен, не обману ли ожиданий...

Как, откуда в человеке вырастают крылья творчества?

— В юности хотела стать драматической актрисой. Но любила и эстраду, чем только не увлекалась, а, в общем-то, была довольно поверхностной девчонкой. Себя сегодняшнюю наверняка не поняла бы и не приняла.

Все началось с того, что открыла Новеллу Матвееву

неповторимый мир — это Пушкин, Блок, Цветаева, Маяковский, Окуджав, Левитанский...

— Мечтаю о такой музыкальной программе, где стихи не страдают, где музыка будет их стихией. Над подобной композицией мы вместе целый год увлеченно работали с Леонидом Чижиком.

Мои композиторы — те, кто понимает, что любое стихотворение требует кон-

и словно прозрела. Стала различать хорошие и плохие стихи, почувствовала нутром, как дорого может стоить одна только строчка, одно-единственное слово.

Потом был большой период работы с композитором Михаилом Таривердиевым. У него я тоже много училась работать над словом.

И по сей день для меня самая главная трудность — соединить музыку и слово, чтобы ему было выгодно в песне.

Редкостная музыкальная одаренность Камбуровой давала ей возможность с легкостью добиться успеха на эстраде. Она выбрала другой путь, по которому никто не шел до нее. Она стала петь песни на стихи поэтов, каждый из которых — сложный,

кратного к нему отношения, что в этой песне важно одно, в той — другое, а эта мелодия нужна для того, чтобы зритель мог «прочитать» глаза исполнителя.

Таков Владимир Дашкевич. Он пишет музыку на стихи, которые мне интересны. Я благодарна ему за то, что он дает трудные задания. На то, чтобы выйти с его новой песней на сцену, я решаюсь...

То, что делает Камбурова на эстраде, воспринимается необычайно ново, свежо, современно. А между тем традиция такого исполнения имеет глубокие народные корни, восходит и к русским исполнителям песен и былин, и к французским менестрелям, сегодняшним шансонье. Истоки, откуда непрерывно черпается вдохновение.

— Мечтаю сделать целую программу из русских народных песен — плачей, военных, исторических. Очень люблю французскую песню. К сожалению, мне не довелось увидеть концерт несравненной Иветт Гильбер в начале века. Фаина Георгиевна Раневская, с которой мне посчастливилось дружить, много мне рассказывала о ней. Гильбер была великой актрисой. Певец — это всегда актер, мы часто забываем об этом. Самым великим учителем для меня был и останется «неистовый» Жак Брель, сжигающий себя в творче-

стве. Я люблю его не только как пеца — как личность. Он ушел от нас, но записи для меня по-прежнему — эталон песни. Брель мне дорог и потому, что после его выступлений в Москве я впервые сама вышла на сцену в Театре эстрады. Есть такое чудо, явление, как Шаляпин, у которого не устанешь учиться всю жизнь.

Каждая песня Елены Камбуровой, без преувели-

чений, маленький спектакль — с завязкой и финалом, с кульминацией, образным пластическим рисунком. Не случайно такие режиссеры, как Роман Быков и Анатолий Эфрос, пробовали с Еленой поставить спектакль на сцене из ее песен.

Сейчас модно говорить о «театре песни» по отношению ко многим певцам. Но как часто за этим скрывается лишь внешняя яркость выступлений, с применением множества технических эффектов... В распоряжении Камбуровой лишь сцена, микрофон, роаяль да стул для гитариста, да несколько прожекторов. Ее театр — это она сама: ее голос, все ее существо, и особенно глаза и руки.

Руки у нее и вблизи очень выразительны, они постоянно — в разговоре. А главное — в них нет изнеженности, холодности, холодености. Уставшие, натруженные. Рабочие руки.

— Я очень страдала вначале, когда была так занята, что руки были словно деревянные. Когда они потихоньку начали оживать, я словно освободилась: появились мои помощники, мои партнеры.

«Я медленно вырастаю», — сказала о себе она. Главное в этом — «вырастаю».

— У меня никогда не было, как у других актеров, одной программы, а теперь я поняла, что и не может

быть. Это как большая река, которая становится то уже, то шире, новые песни вносят в нее новое звучание, меняют эмоциональный накал. Я потому и могу дружить с песнями на протяжении многих лет, что сама все время открываю в них для себя что-то новое. Учат и стихи, и зритель, и то, что надо выстоять на сцене, а сил нет, и многое другое. Песни научили меня, как это ни странно, видеть природу, я не могу теперь представить свою жизнь без травы, цветов, деревьев. А главное, песни учат меня жить судьбой других людей, не замыкаться на себе. Тогда ничего не страшно, тогда жизнь по-настоящему прекрасна.

Какая она, Камбурова? Трогательная и ясная, хрупкая и сильная, доверчивая, открытая, честная и правдивая во всем, что думает и совершает. Рассказывают, что порой по-

*Гильберт
«Волшебная композиция»
— искреннее поклонение
доброму делу,
доброму песню...
— Е. Камбурова...*

сле ее концертов разгораются жаркие споры, и бывшие друзья начинают вдруг понимать, что у них разные представления об истинных и ложных ценностях. Но куда чаще ее концерты объединяют людей.

На вопрос, о чем ваши песни, она ответила словами Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья!»

Записала
Л. БЕЛКИНА.